

актер» ('a sacred jester, clown, or mimic'). Макмёрфи не только сам актерствует, будучи уверенным в собственном душевном здоровье, он видит актерство в других. Так, Вождю кажется, что Макмёрфи сразу же разгадывает секрет его «глухонемоты».

В-третьих, Савард пишет об эсхатологичности юродства: «юродивый говорит о конфликте между веком нынешним и веком грядущим» ('the holy fool proclaims the conflict between this present world and the world to come', Saward, 27). Эсхатологическое видение мира скорее свойственно Вождю Бромдену, по-своему воплощающему художественное юродство. Его галлюцинации напоминают картины грядущего апокалипсиса, власть Комбината представляется ему чем-то вроде царствования Антихриста, тем более, что Комбинат, по сути, убивает отца Бромдена и Макмёрфи. Апокалиптично и его описание буйного отделения: «запах паленого и скрежет зубов» (Кизи, 319) отсылают к библейским «геенне огненной» и «скрежету зубовному».

Еще один элемент юродства – мотив паломничества, поиск потерянного рая, Земли Обетованной. Савард называет юродивого «кочевником, у которого в этом мире нигде не найти себе дома, он странствует, как Божьи пилигримы по пустыням» ('the fool is a nomad, who never settles back anywhere in the present world but wanders, like the pilgrim people of God in the wilderness', Saward, 27). Этот мотив очень важен и для романа – Макмёрфи, как и сам Кизи, как и все его поко-

ление, вдохновленное романом 'On the road', проводит жизнь в дороге. В финале романа Вождь бежит из больницы, собираясь отправиться в места, где прошло его детство, туда, где до воцарения Комбината столетиями жили его предки, то есть в потерянный рай. Интересно, что Савард использует слово 'wilderness', как очень значимое для понимания юродства. Одно из интервью с Кеном Кизи, опубликованное в Пэрис Ревью в 1994 году, вышло под заголовком 'One Crying in the Wilderness'. Для Кизи мотив странствий – основополагающий концепт для всей американской культуры. Однако аллюзия к словам Иоанна Крестителя отсылает не только к теме странничества, но еще и к теме провозвестия. Пустыня, в которой раздается «глас вопиющего», метафора духовной пустыни Израиля, поколением битников может рассматриваться как метафора общества. В романе Кизи такой пустыней становится психиатрическая больница и, шире, сам Комбинат, а великанский смех Макмёрфи и есть «глас вопиющего».

Тема библейского наследия в произведениях Кизи обширна, и невозможно раскрыть ее полностью в рамках одной работы. Кроме непосредственных отсылок к Библии в романе, можно было бы говорить о «вторичном» влиянии, например, через Германа Мелвилла, любимого писателя Кизи. Для данной работы важно было затронуть лишь те аспекты библейского влияния, которые связаны с антиномией «мудрость-безумие» в романе.

Бондаренко Ю.Я., кандидат философских наук, профессор
Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

СКЕПТИЦИЗМ В СВЕТЕ ИСТОРИИ

Мало кто не знаком с призывом: все подвергать сомнению. Но что стоит за этими и подобными им словами?

Каково социально-историческое и собственно личностное значение такого рода сомнений?

На этот счет не было и, пожалуй, по сей день нет единого мнения. Для одних призывы все подвергать сомнению означали и продолжают означать постоянную готовность к самостоятельному поиску истины, гимн интеллектуальному мужеству, для других – мнимо ученое чудачество и стремление морочить людям голову в самых обычных жизненных ситуациях. Второй, негативный взгляд на неуемное сомнение замечательно дан в пьесе «Брак поневоле» знаменитого драматурга 17-го века Мольера. Здесь, вздумавший жениться, молодой человек обращается за советом к философу, убеждающему юношу, что надо во всем сомневаться, включая и сам факт их беседы, а, значит и говорить не «Я к Вам пришел», а «Мне кажется, будто я к вам пришел». Кончается же беседа тем, что выведенный из себя молодой человек охаживает незадачливого философа палкой и, в ответ на возмущенные вопли последнего об оскорбительных побоях, говорит: «Будьте любезны, выражайтесь иначе. Следует сомневаться во всем, а потому вы не можете сказать, что я Вас побил, а только лишь, что Вам кажется, будто я Вас побил».

Эта забавная пародия появилась в 17-м веке не случайно. Ведь именно в этом столетии обрело популярность картезианство – учение Декарта, учившего все подвергать сомнению, вплоть до собственных ощущений сна и яви. Сомнение, которое подвело французского мыслителя к чеканному: «Мыслью – следовательно существую», призванному стать отправной точкой интеллектуальных поисков.

Однако хорошо известно, что задолго до Декарта, в глубокой древности появилось философское течение, представители которого принципиально призывали воздерживаться от категорических суждений о мире и, соответственно, о добре и зле, «высоком» и «низком». Зародилось это учение в эпоху походов Александра Ма-

кедонского. И не беспричинно. К родоначальникам скептицизма относят мыслителей, двигавшихся рядом с Александром и непосредственно столкнувшихся с поразительным разнообразием мира природы и мира людей, державшихся совершенно разных обычаев и эталонов поведения. Первый из упоминаемых скептиков – Аристарх, родом из Абдер, то есть земляк Демокрита и Протагора. Самый же знаменитый – Пиррон – философ из Элиды, бывший там заметное время верховным жрецом. По его имени скептицизм называли еще пирронизмом. Само же понятие скептицизм восходит к греческому «скептикос» – «рассматривающий», «сомневающийся». Кредо скептицизма выразил уже сам Пиррон: «Мудрость и знание не является делом человеческим, и искать их надо только у богов». Почему же? – Потому, что мы живем в вечно изменчивом мире: «Текучесть и непрерывная качественная неустойчивость вещей ведут к их нечеткой же различимости и восприятию, а потому и невозможности судить о них с точки зрения категорий «истины» и «лжи». Так что лучше всего воздерживаться от однозначно определенных утверждений и пребывать в невозмутимости духа и полной свободе суждений» [1].

Об изменчивости мира и относительности человеческих ценностей античные философы говорили и задолго до скептиков. Так, знаменитый Гераклит, рассуждая о том, что «природа любит скрываться», полагал, что «солнце – не только новое каждый день, но вечно и непрерывно новое». Красота же, вообще, – понятие специфическое: «Прекраснейшая из обезьян отвратительна по сравнению с человеческим родом», а «мудрейший из людей кажется обезьяной по сравнению с богом в отношении мудрости, красоты и всего прочего». Точно так же обстоит дело и с пользой. «Морская вода – чистейшая и грязнейшая. Рыбам

она пригодна для питья и целительна. Людям же для питья непригодна и вредна».

Да и Демокрит утверждал: «Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, правда, продолжая при этом: «в действительности же существуют только атомы и пустота» [2].

Ученик же Демокрита Протагор, так тот и вовсе провозгласил: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют», доказывая при этом, что всякому суждению можно противопоставить равносильное [3]. Но, если так, то получается, что никакой объективной, бесспорной истинности нет и быть не может.

Таким образом, появление скептицизма было подготовлено и самим развитием античной философской мысли. Однако сами скептики стремились подчеркнуть отличие собственных взглядов от всех прочих. Так, Секст Эмпирик, автор 2-го – начала 3-го веков нашей эры, оставивший нам наиболее обстоятельные из уцелевших трактаты о скептицизме, писал, что, утверждая о существовании атомов и пустоты, как о чем-то бесспорном, Демокрит явно удаляется от скептиков [4]. Да и суждения Протагора, согласно Эмпирику, лишь на первый взгляд совпадают со скептическими. «Но он отличается от них ... этот человек говорит, что материя текуча, и при течении ее на месте утрат ее возникают непрерывно прибавления, и восприятия перемешиваются и изменяются, смотря по возрасту и остальному устройству тел... Он говорит и то, что основные причины всех явлений находятся в материи... люди же в разное время воспринимают разное, смотря по разнице их настроений... То же и применительно к возрастам, и в отношении сна или бодрствования... Таким образом, по

его учению критерием сущего является человек, ибо все, что кажется людям, и существует. Следовательно, мы видим, что и о текучести материи, и о том, что в ней находятся основы всего видимого, он выражается догматически, а это вещи неочевидные и для нас подлежащие воздержанию от суждения» [5].

Итак, Эмпирик убеждает нас, что скептики отказываются от умозаключений относительно основ бытия. При этом неважно – идет ли речь о материи, одном или нескольких элементах, ибо все эти основы не самоочевидны и, следовательно, не позволяют делать каких-либо категорических выводов.

Отказываются скептики и от утверждающих либо отрицающих суждений и там, где речь заходит о морали и восприятию прекрасного и безобразного. Ведь обычаи и эталоны разных народов столь различны. Так, «некоторые из эфиопов татуируют маленьких детей, мы же нет; и персы считают приличным носить разноцветную и длинную до пят одежду, для нас же это неприлично. Индийцы на виду у всех совокупляются с женщинами, большинство же других людей считает это позорным...» Так же обстоит дело и с законами. «У тавров в Скифии закон требовал приносить чужестранцев в жертву Артемиде, у нас же запрещено умерщвлять человека вблизи святыни» [6].

Не менее ироничны скептики и в отношении различных философских систем, воспринимавшихся в их время как своего рода «пособия», руководства по «искусству жизни». Все эти философские системы «уловляют» юношей обещаниями довольства и счастья, «но их много, и они разноречивы ... Поэтому надо следовать или всем одинаково, или одному только, или ни одному из них. Следовать всем нельзя вследствие их противоборства. Что одно из них почитает желанным, то другое отрицает как избе-

гаемое, а нельзя одновременно к одному и тому же и стремиться и его же избегать.

Если же надо следовать одному, то не исключено, что какому бы то ни было, а это невозможно. Ведь это является желанием следовать всем. Если следует предпочесть то. То почему это, а не то? И наоборот. Поэтому остается сказать, что надо следовать тому, что мы сочли лучшим».

Однако, где критерий достоверности? – Ведь, если он коренится в самом учении, то тогда и иные учения имеют право искать подтверждения собственной истинности в себе самих. Если же он – в других учениях, то надо разобраться. Каким же образом оценивать эти, другие учения. «Итак, если нельзя следовать ни всем искусствам жизни, ни одному из них, то остается не следовать никакому» [7].

Любопытно, что аналогичные рассуждения мы встречаем и у жившего во 2-м веке нашей эры Лукиана из Самосаты, прозванного Ф.Энгельсом «Вольтером классической древности». Только рассуждения эти более хлестки и образны. И в самом деле, желая приобщиться к истине, можно выбрать надежного и сведущего в каком-то учении человека. Но такой знаток будет подобен эфиопу, не выезжавшему за пределы своего поселка, и, тем не менее, убежденному, что все люди черны. Либо, говоря иначе, напоминать жену тирана, у коего дурно пахло изо рта. Когда однажды некая иностранка осмелилась ему сказать об этом, пораженный тиран стал допытывать супругу, отчего та ни разу не сказала ему об этом, супруга простодушно ответила: «Я не была близка с иными мужчинами и думала, что у них всех такой запах».

Но. Если для супруги близость с одним мужчиной может быть похвальной, то нельзя сказать того же об искателе мудрости, ограничивающим себя изучением только одного учения. Поэтому куда надежнее отыскать та-

кого надежного провожатого в мир философии, который знает и Платона..., и Эпикура, равно, как и многих других. В конце концов, он выбрал бы из всех путей один единственный, который, по его убеждению, вел бы к блаженству [8].

Но кто может поручиться за истинность этого, наконец-то, избранного пути, если даже в течение двухсот лет невозможно досконально изучить системы всех философских школ? К тому же может статься, что Истина еще неведома никому ... [9]

У Лукиана убежденный подобными доводами поборник философии пылко восклицает, что острижет бороду, оденется в яркие одежды и станет жить свободно, а не следуя своему прежнему учению. А если же, добавляет он, «когда-нибудь в будущем ... я встречу, вопреки моему желанию с философом, я обойду его, как обходят бешеных собак» [10].

Как видим, у Лукиана философские школы – это своего рода путы, стреноживающие собственную мысль человека и ограничивающие свободу его личного выбора. Собственно скептики в определенной мере близки ему. Но они акцентируют свое внимание не столько на свободе, сколько на безразличии – апатии, как основе реальной безмятежности духа и, следовательно, такого существования, которое было бы куда уместней всех прочих, основанных на поисках недостижимых идеалов и абсолютных ценностей. Так, еще античный автор Диоген Лаэртский писал, что «цель свою скептики полагали в опровержении догматизма всех школ, но сами ни о чем догматически не высказывались. Даже приводя и излагая мнения других, они ничего не определяли, не определяли и того, что они делали: они отрицали даже, что они ничего не определяют (не говорили, например: «Мы ничего не определяем», ибо этим они высказались бы определенно. Вместо этого они говорят: «Мы пред-

лагаем такие высказывания, лишь чтобы показать свою сдержанность, ведь то же самое мы могли бы выразить и просто кивком. Так, словами «Мы ничего не определяем» выражается лишь состояние безразличия... Подытоживая, Лаэртский делает вывод, что «пирроновское рассуждение есть отчет о том, что кажется или каким-либо образом мыслится, вследствие чего все со всем соотносится, сравнивается и обнаруживает много неправильности и беспорядка. Показывая эти противоречия в рассмотрении, они на каждую убедительность предмета находят (другую) такую же, отменяющую ее. А убедительностью они считают то, что согласуется с чувствами, точно никогда или только изредка меняет свой вид, то, что принято обычаем, то, что определено законами, то, что доставляет удовольствие, то, что вызывает удивление. Для этих-то убедительностей они и приискивают равносильные им противоположные убедительности», указывая тем самым на «неразрешимые трудности согласования видимого и мыслимого» [11].

Следует обратить внимание, что при этом свои удары скептики наносили именно по «догмам», как установленным мнениям. В быту же обычной жизни они не игнорировали ни обычаев, ни законов той местности, на которой проживали. Не случайно, например, дожившего до 90 лет Пиррона, весьма чтили в Элиде. Более того, сами скептики были убеждены, что именно отказ от суждений и догматического восприятия жизни, порождали невозмутимость при исполнении самых разных обязанностей. О том же Пирроне писали, что он «с безразличием купал свинью». А почему бы и нет? – Ведь, если у нас нет оснований безапелляционно утверждать о добре и зле, прекрасном и безобразном, высоком и низком, то с какой стати мы должны стыдиться того или иного вида деятельности, необходимого для нашего существования?

Правда, собственно скептики не доходили до того, чтобы отрицать собственные ощущения боли, тепла или холода, но они были резко против того, чтобы прибавлять к проблемам, рождаемым самим бытием, те, которые рождены лишь человеческим мнением о самом этом бытии. Мнения, философские системы, согласно скептикам, – лишь мнения, системы, а не кладовые готовых к употреблению истин. По сути дела, скептицизм стал проверкой на прочность самых разных философских систем, побуждая думать, сомневаться, а не принимать на веру, и тем паче за руководство к действию, которое разжигало бы «праведный гнев», все то, что могло бы породить какие-либо сомнения. А есть ли на свете нечто такое, что человек с его ограниченным разумом мог бы признать бесспорным? – Нет. Таким образом, как это ни покажется парадоксальным, скептические рассуждения о зыбкости человеческого познания и отсутствии у людей критериев бесспорной истинности того, так часто считается достоверным, приводили к довольно четким психологическим выводам и даже вполне определенным правилам поведения. Ведь, если абсолютная истина недостижима, то стоит ли упираться, приносить жертвы и проливать кровь – свою и чужую за то, что на самом деле может быть далеко неистинным? Не об этом ли свидетельствуют и тысячи лет последующей истории человечества?

Так или иначе, а древность впитала Пирронов скепсис, наглядным свидетельством чему являются рассуждения замечательного римского политика, оратора и мыслителя Цицерона. Этот образованнейший человек своего времени, утверждавший, что сам он никому рабски не следует и не подчиняется, писал, что «вероятностные знания – вот предел человеческого разумения». При этом, согласно Цицерону, «лучше признаться, что ты не знаешь того, чего не знаешь, чем

болтать какой-нибудь тошнотворный вздор и самому себе быть противным!» [12]

Эта интеллектуальная честность, ставшая одной из основ скептического взгляда на мир, в определенной мере продолжала еще «линию Сократа», осмелившегося воскликнуть: «Я знаю, что ничего не знаю», имея ввиду, что его собственные знания весьма ограничены и очень далеки от постижения основ сущего.

Конечно же, скептицизм не беспорочен. Мало того, в периоды, требующие четких идей, которые могли бы быть начертаны на знаменах массовых движений, требовалось совсем иное, нежели всеобъемлющее Сомнение и вездливый анализ. Но, тем не менее, скептицизм с его логическими приемами (тропами) и отказом принимать что-либо на веру, был и остается своего рода интеллектуальным душем, позволяющим человечеству раз за разом смывать с себя пыль догм, и одновременно набором инструментов, дающим возможность возводить плотины сомнений на пути слухов, легковерных и дутых сенсаций, а то и явных мистификаций. Думается, что в

эпоху информационных войн осмысление опыта скептиков может немало помочь, каждому, кто, вбирая в себя потоки информации, хотел бы при этом сохранить трезвость мысли и оказаться незатянутым в водоворот поп-культуры и поп-политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таранов П.С. 106 философов. – Симферополь: Таврия, 1995. Т. с.292.
2. Там же, с.194.
3. Там же, с.159.
4. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1976, т.1, с.251.
5. Там же, сс.252 м- 253.
6. Там же, с.237.
7. Там же, сс.35 – 36.
8. Лукиан. Избранное – М.: Художественная литература, 1987., с.303.
9. Там же, с..317.
10. Там же, с.323.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль., 1979. сс.383 – 385.
12. Таранов П.С. Указ. соч., сс.347 – 348.

Грудупс К.Я., студентка

Костанайский государственный педагогический институт

ЧЕЛОВЕК: ЕГО СПОСОБНОСТЬ К ДОБРУ И ЗЛУ (ОБЗОРНЫЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ Э. ФРОММА «ДУША ЧЕЛОВЕКА»)

Эрих Фромм (1900–1980), немецко-американский философ, психолог и социолог, представитель неофрейдизма – видный мыслитель XX столетия. Его философская антропология включает в себя психоаналитические, экзистенциальные, собственно антропологические, марксистские идеи, а так же древние мистические традиции и идеи восточного оккультизма. Многие философские течения, в том числе экзистенциализм, персонализм, герменевтика, социобиоло-

гия, впитали в себя его открытия и духовные приобретения. Он дал импульс развитию гуманистического мышления нашего века [1, с.749].

Фромм полагал, что основной подход к изучению человеческой личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, к другим людям, к природе, к самому себе. Он обосновал возможности разностороннего совершенствования человека как живого, мыслящего существа. В наследии Фромма имеются идеи об